

ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ОНТОЛОГИИ

Думинская М.В.¹

¹ГОУ ВПО «Сургутский государственный педагогический университет», Сургут, Россия (648404, Сургут, ул. Артема 9, СурГПУ, корпус 2), e-mail: marina-duminskaya@yandex.ru

В статье раскрываются особенности постнеклассических преобразований в пространстве онто-антропологического философского дискурса, связанные с глубокой эстетизацией его оснований. Обозначена проблема неоднозначности отношения к феномену всеобщей эстетизации, пронизывающего собой все сферы и уровни бытийствования. Показано, что взаимопроникновение эстетических и онтологических начал усиливает значимость иррациональной компоненты в процессе познания, приводит к эстетизации мышления, изменению способов постижения бытия. В центре внимания современной эстетической онтологии оказываются проблемы, связанные с определением способов осмысления и конституирования принципиально открытых, нелинейных, незавершенных, событийных моделей бытия. В этом плане эстетически-рефлексивное моделирование, основанное на активизации образно-метафорического мышления, рассматривается в качестве теоретико-методологического конструкта, обеспечивающего возможность воссоздания активных открытых моделей, способных репрезентировать процесс качественного преобразования бытия, именуемого автором экзистенциальным свершением личности.

Ключевые слова: эстетическая онтология, феномен эстетизации, эстетизация мышления, метафоричность, эстетически-рефлексивное моделирование, экзистенциальное свершение личности.

POSTNONCLASSICAL IMAGE OF AESTHETIC ONTOLOGY

Duminskaya M.V.¹

¹ Surgut State Pedagogical University", Surgut, Russia (648404, Surgut, Artem 9, SurGPU, block 2); e-mail: marina-duminskaya@yandex.ru

The article reveals the features of postnonclassical transformations in the space of philosophical discourse that are linked deep aestheticization its grounds. The problems ambiguous attitude to the phenomenon of universal aestheticization, which pervades all spheres and levels of existence. It is shown that the interpenetration of aesthetic and ontological began reinforces the importance of the irrational component in cognition, leading to aestheticization thinking, changes in the way of comprehension life. The focus of modern aesthetic ontology are problems with a certain way of thinking and developing fundamentally open, nonlinear, uncompleted, models of being. In this respect, an aesthetically-reflexive modeling based on the activation of figurative and metaphorical thinking, is seen as theoretical and methodological construct, which provides the ability to recreate the active open models that can represent the process of qualitative transformation of being called accomplishment author of existential identity. In this regard, aesthetically-reflexive modeling based on intensifying the figurative metaphorical thinking, is regarded as a theoretical-methodological construct, which provides the opportunity to recreate the active open models, able to represent the qualitative implementation at various levels of human existence that is named by the author as an existential fulfillment of the personality.

Keywords: aesthetic ontology, phenomenon anestetization, aesthetization thinking, metaphorical, aesthetic-reflexive modeling, existential fulfillment of the personality.

Современная социокультурная действительность насыщена новыми постнеклассическими преобразованиями, происходящими во всех сферах и уровнях проявления человеческого бытия (науке, религии, философии, политике, экономике, образовании и т.д.), которые влекут за собой существенные системные изменения в мировоззренческих и теоретических парадигмах, структуре ценностных ориентаций, способах коммуникации, принципах методологического построения и развития когнитивных процессов.

Предпосылки к трансформации и развитию новых форм рациональности, заложенных еще в эпоху Нового времени, предопределили вектор преобразования как неклассического, так и постнеклассического облика познания и социокультурного развития в целом. На смену монологическому, закрытому типу классической рациональности пришел принципиально открытый, диалогический тип мышления, в пределах которого стали формироваться новые методологические доминанты, продуцирующие с одной стороны плюрализм, полицентризм, многовариативность, а с другой – стремление к интеграции, сопряжению, синтезу различных когнитивных и креативных практик, способствующих всестороннему расширению коммуникативного и междисциплинарного пространства.

В рамках классической рациональности вектор познания был направлен на получение целесообразного, обоснованного эмпирическими и теоретическими средствами логического знания в отношении предельно простых, устойчивых систем, в тоже время требующих верификации и терминологической ясности, следования принципам всеобщности и необходимости. Изменение аксиологического вектора направленности в неклассической философской рефлексии повлекло за собой смещение акцентов во внутренний мир человека – в центр «живого», многообразного, становящегося, изменчивого. Новая постнеклассическая наука, согласно периодизации развития науки, предложенной В.С. Степиным [14], связанная с формированием нового типа рациональности (по определению В.В. Ильина «неонеклассики» [7]), ориентирована, прежде всего, на утверждение человека в мире. На основе формирования новых эпистемологических принципов и процедур постижения в свою очередь открылись новые возможности осмысления фундаментальных оснований бытийствования и репрезентации различных модусов его проявления. В центре познавательных интересов оказались сверхсистемные объекты («человекообразные» по определению В.С. Степина), пребывающих в непрерывной динамике своего саморазвития, включающих в качестве собственного компонента человека и его деятельность [13, С.16]. В методологическом плане в этом процессе особую значимость приобретает усиление иррациональной составляющей, которая находит свое выражение в разворачивании принципиально иных концептуальных построений: диалогичности, событийности, незавершенности, нелинейности, проективности, духовности, активности, становления, коммуникативности, коэволюции и т.д. В центре философского дискурса оказывается все то, что не может быть окончательно определено, верифицируемо, сполна репрезентировано, что выбрасывает в область бесконечно возобновляемой проблематизации, в сферу абсолютно непостижимого, мыслимого в горизонте предстоящего осуществления с опорой на динамику смыслополагания, смыслообразования и дорефлексивные формы постижения. Так, одним из важных свойств, задающим специфику постнеклассики, по мнению Д.С. Худякова, является

изменение отношения к вере в структуре познания, которая получает особый статус, выступая в качестве иррациональной направляющей процесса познания: вера (научная, философская – «нежесткие направляющие идеи-регуляторы») способна «...породить иное содержание жизни и знания, потому что утверждает существование чего-то неизвестного, лежащего за пределами обычного опыта», дает нашему сознанию новую положительную информацию, обуславливая накопление и углубление его содержания [19].

Постнеклассический ракурс постижения бытия создает условия для устойчивого развития «нелинейного» типа мышления, способного совмещать множество различных парадигм в едином пространстве, реализуя потенциал их взаимопроявлений, изначально, казалось бы, не сводимых друг к другу. В общей динамике постнеклассических преобразований постижения онтологического измерения наиболее ярким ее проявлением выступает феномен всеобщей эстетизации. Пространство современных дискуссий в сущностном основании своем оказывается пронизанным эстетической компонентой, которая проявляется во всех сферах человеческой жизнедеятельности, обуславливая как способ постановки, так и специфику анализа круга онто-антропологических проблем. Собственно, так было всегда, эстетическое, пусть зачастую не признаваемое и осознаваемое явным образом, тем не менее, заложено в самом основании природы бытийствования, раскрывает творческую, созидательную сущность Бытия как такового. Как отмечает Т.М. Шатунова, с того момента, как онтология становится «душой, энтелехией всего корпуса философского знания» эстетика «перестает быть парэргонном», случайным украшением философского дискурса, придает ему особое качество, «становится эрганомом», смещая центр направленности развития онтологических представлений в область аналитики эстетической природы бытия [21, С. 45]. Все дисциплины онтологического круга обретают эстетическое содержание и форму, «светятся светом эстетики» [21, С. 45]. В свою очередь эстетическими характеристиками окрашиваются все сферы современной жизни (наука, политика, мораль, религия, экономика, медиа-сфера) даже те, которые ранее были совсем далеки от классического понимания эстетического. Важно отметить, что с процессом эстетизации, охватившим собой современную культуру во всем многообразии ее проявлений, произошла и модификация самого понимания сущности эстетического. Эстетика и жизнь оказались в одной точке пересечения. Наиболее значимые исходные «точки роста» этого процесса слияния наблюдаемы в различных философско-онтологических проекциях (экзистенциальной, феноменологической, герменевтической и др.), изнутри развития которых происходило постепенное взаимопроникновение эстетического и онтологического начал, определяющих специфику формирования эстетической онтологии в целом. При этом

каждое из этих направлений обладает собственным эстетическим потенциалом, позволяющим вступать в сложные взаимосвязи-пересечения в едином для всех контексте.

Наиболее яркой вспышкой, знаменующей о сближении двух областей (эстетической и онтологической) стало утверждение М. Хайдеггера о тождественности онтологической природы человека и художественного творения, выраженное в формуле определения подлинности человеческого бытия: «Поэтически живет человек» [21, С. 45]. Это стало открытием самой возможности вхождения в эстетическое измерение, которое становится для экзистенциального субъекта своеобразным трамплином, выбрасывающим за пределы «здесь и теперь», лежащего в основе повседневного, неподлинного, обезличенного существования, на путь, который выводит к открытию подлинности бытия, где «творится свершение истины» [18, С. 287]. Эстетическое предстает не просто как самостоятельная, а как основополагающая сфера человеческой жизни. Экзистенциальная философия утверждает не только естественность проявления эстетического, заложенного в основе человеческого бытия-существования как исходного условия онтологического пребывания человека в мире – «просто быть» (С. Кьеркегор), но и вскрывает ее принадлежность к сверхъестественному, метафизическому уровню бытия. Экзистенциальную значимость обретает эстетическое (художественное) событие, в котором свершается «присвоение совокупной целостности бытия человеком» (Ж.-П. Сартр). Благодаря событийному осуществлению сама жизнь обретает самоценность и эстетическое оправдание, как пишет Ж.-П. Сартр, «... в основе эстетического императива лежит императив моральный» [6, С. 50].

Творческое начало (как эстетическая категория) рассматривается в качестве необъемлемой составляющей самой жизни и культуры, выступая катализатором актуализации вопросов, раскрывающих метафизический потенциал эстетического, пробуждающим новую волну онто-метафизического дискурса, обращенного к поиску восхождения к идеальному, таинственному, онтологически изначальному. «Мысль приносит радость, – пишет Т.М. Шатунова, – потому она прекрасна, истина бытия эстетична, поскольку основным способом ее полагания в мир оказывается художественное творение. Онтологическое и метафизическое сближаются в поле эстетического согласия» [21, С.50].

В экзистенциально-феноменологическом аспекте эстетический (художественный) образ оказывается наиболее приемлемым для осуществления феноменологического анализа, поскольку позволяет схватывать мир как бы изнутри вещи. Проблема обретения подлинности человеческого бытия осмысливается как эстетический феномен, наделенный глубочайшим экзистенциальным смыслом. Так, например, согласно феноменологическим представлениям Г. Зедльмайра, жизнь можно рассматривать как художественное произведение – как идеальное, заключенное в материальную оболочку, способное по

отношению к себе на основе интуитивного воображения порождать особое (эстетическое) восприятие-интерпретацию, которое раскрывает ее истинное качество, возводящее к воссозданию некоей целостности бытия [8, С.9-10]. Феноменологическое «видение», таким образом, открывает особое постоянно обновляемое, обогащаемое измерение бытийствования эстетически воспринимаемой жизни, стремясь удержать «живое» событие, которое с легкостью может ускользнуть в забвение повседневного пребывания. Эстетический катарсис, связанный с феноменологическим восприятием жизни открывает экзистенциальную значимость, самоценность каждого дарованного ею и переживаемого мгновения-события в котором внешнее отступает, размывается (социальное, материальное, религиозное и т. д), высвечивая красоту естества бытия.

В философско-герменевтическом проекте эстетическая компонента проникает в онтологию языка, который согласно Г.-Г. Гадамеру, есть «бытие, могущее быть понятым» [3, С. 264]. Понимание опять же предстает как эстетический феномен, поскольку мыслится как особый способ человеческого бытийствования, предполагающий вхождение в бесконечный процесс постижения смысла, пронизанного эстетически настроенным отношением (любование, вглядывание, внимание, переживание) к таинству раскрывающегося бытия.

Следует отметить, что в истории развития философской мысли эстетическое раскрывается во всем своем семантическом многообразии, отсылая к попытке своего определения к различным понятиям: чувственному удовольствию, восприятию, творчеству, поэтическому, игровому, виртуальному, ирреальному, виртуальному т.д. В своем изначальном значении «эстетическое» как «чувственное восприятие» (А. Баумгартен) применялось для обозначения чувственного, низшего уровня познания, обособлялось от других философских дисциплин и форм активности человеческого познания. В связи с этим эстетическому, по мнению В. Вельша, придавалось гедонистическое или теоретическое значение, так или иначе раскрывающее «айстетическую», возвышающую и поэтическую сторону его проявления в сфере художественного творчества [22]. Границы постижения феноменальности эстетического были связаны с классическим пониманием искусства, что подчеркивало неразрывную связь эстетики и искусства, но в тоже время фактически приводило их слиянию [9]. Истина бытия, заключенная в ирреальности художественного измерения, оказывалась в отрыве от реальной жизни.

В пространстве постнеклассической онтологии эстетика переходит в иную стадию своего развития, превосходя уровень автономного существования. Сфера действия эстетического значительным образом расширяется, выходит за пределы искусства и традиционных эстетических категорий, при этом разрушается платформа, создающая единую основу не только для его терминологического истолкования предметного поля и тех

категорий, которые вбирают в себя сущностные характеристики эстетического как такового, но и определения самого статуса эстетики, методов постижения эстетических феноменов. Происходит переосмысление исходных определений области эстетических явлений, которые обретают устойчивую связь с опытом событийности, с интенсивностью возвышенности чувственного начала.

Эстетическая сфера захватывает все, что окружает человека («энвайронментальная эстетика» А. Берлиант) [9, С.4]. Осмысление различных аспектов наблюдаемой тенденции усиления эстетического компонента и его слияния с самой жизнью, приводящей к тотальной, «всеобщей эстетизации» современной культуры (В. Вельш) [22], так или иначе, представлено в трудах современных западных и отечественных представителей философского дискурса. В частности, Ю. Хабермас, говорит о нарастающей волне тотальной эстетизации в эпоху постмодерна как о «своеволии эстетического» [16], которая в определенном смысле обретает абсолютную власть над реальностью [17, С.22]. Тенденция всеобщей эстетизации далеко не всегда получает в свой адрес позитивные отклики, зачастую высвечиваются негативные ее проявления, порождающие призывы к всеобщей де-эстетизации. (Дж. Ваттимо [3], Ю. Хабермас [16; 17], Ж. Рансьер [8], Б. Хюбнер [20] и др.). Следует предположить, что, прежде всего, это вызвано неоднозначностью и раздвоенностью понимания самого процесса эстетизации, который проявляется как на внешнем, так и на внутреннем уровнях бытийствования. Феномен эстетизации, пронизывающий собой внешние слои существующего, выражается в стремлении человека всесторонне «приукрасить» свое жизненное пространство, задавая определенные представления и стандарты «чувства прекрасного» на уровне повседневного существования. На уровне такой «поверхностной» эстетизации (В. Вельш) речь не идет о каком-либо качественном онтологическом преобразении, поскольку в стремлении придать эстетический блеск всему существующему не выводит к эстетическому преобразению глубинных оснований бытия, а скорее накрывает куполом удовлетворенности иллюзией «обладания эстетическим», в то время как о самой возможности свершения событий, связанных с подлинной эстетизацией, следует говорить только в контексте экзистенциального восхождения на уровень рефлексивного и метафизического осуществления. Безусловно, ситуация поглощенности современного человека желанием обладать иллюзией прекрасного вызывает ответную реакцию, выраженную в нарастании резкой критики в отношении нивелирования значимости внутреннего содержания ради «услаждения» человека, его удовлетворенностью внешним, формальным, поверхностным.

Феномен эстетизации проявляется на уровне изменения самой стилистики научного и философского дискурса, преобразуются методы и способы постижения бытия. В

экзистенциально-онтологическом плане иррациональная составляющая позиционируется иначе, раскрывая огромный гносеологический, методологический потенциал. Создается особое стилистическое единство в использовании таких понятий как спонтанность, инновационность, процессуальность, событийность, метафоричность, креативность и т.д. Метафорический способ постижения, заложенный в основе эстетизации мышления становится способом выражения, способным создавать целостное системное концептуальное видение постигаемого. Метафора, как пишет В.Н. Базылев, «способствует заимствованию у одних наук методологических приемов и распространению их уже в качестве общенаучных принципов на широкий круг других наук» [1], тем самым обогащая методический и методологический потенциал каждой из них, способствуя выявлению новых аспектов сущностного преобразования облика постнеклассической онтологии. Иными словами, мышление становится все более метафоричным, отрывая возможность конституирования принципиально открытых моделей бытия (метафора-модель). Данный тип модели применим там, как справедливо отметил Г.А. Стакун, «... где объект обладает такой степенью сложности, которая не поддается научной редукции и, следовательно, нуждается в непосредственном понимании, а не в научном объяснении» [12].

В этом плане особую значимость обретает разработка таких концептов, на основе разворачивания сущностного содержания которых становится возможным построение подобных открытых онтологических моделей. В качестве таковой следует рассматривать концепт «свершение», который обладает особым потенциалом в пространстве постнеклассического онто-антропологического дискурса, поскольку вмещает в себя концептуальную связь смысла и события: с одной стороны, смысл есть нечто порожденное, т.е. ставшее, а с другой, смысл является исходным основанием для постижения процессуальности смыслопорождения, задает определенный вектор смысло-открытия, смысло-прочтения бытия. Данный концепт по сути вбирает в себя события извлечения становящегося смысла, требующего особого языка описания, возможного при активизации специфических рефлексивно-эстетических установок, имеющих в основании своем событийную, метафорическую природу, которое становится возможным в формате постнеклассических преобразований.

Данный концепт обнаруживает свою продуктивность, будучи погруженным в пространство современной эстетической онтологии, с позиций которой процесс самоосуществления личности разворачивается в контексте экзистенциально-онтологического понимания человека как *homo aestheticus* [23]. Изначально заданное в проекции эстетического видения концепт свершение раскрывается как процесс эстетически непрерывного качественного преобразования личностного начала, происходящего на

различных уровнях бытийствования, описывающего траекторию экзистенциального свершения личности [5]. При этом следует отметить, что разворачивание человеческой жизни в эстетическом модусе свершения в спектре возможного, многовариативного, нелинейного осуществления вовсе не означает нивелирование значимости этической составляющей бытия, т.е. высвобождения от принципов морального построения жизни, а, напротив, предполагает возведение на уровень нового эстетически ответственного самоосуществления личности в реальных пластах бытия. Речь идет о том, что в пространстве постнеклассической эстетической онтологии открывается возможность моделирования процессуальности экзистенциального свершения личности. Это философски-образное моделирование жизни, воссоздание «активной репрезентации» или презентативной модели, представляющей не столько внешнюю проявленность наличной данности бытия, сколько открывающей видение процессуальности ее качественного экзистенциального преобразования-превосхождения. Это есть модель-неопределенность, обладающая смутным значением, в которой задействованы интуиция и воображение.

Эстетически-философское моделирование, характерное для развития современной эстетической онтологии, лежит в основании трансформации облика постнеклассической философии. В качестве наиболее продуктивного способа постижения процессуальности экзистенциального свершения бытия (как открытой сокровитости) выступают попытки онто-метафорической интерпретации, где метафора, как подчеркивает Счастливец Р.А., «... рассматривается не как фигура речи, а как особый методологический (познавательный) конструкт...» [15]. Автор данной статьи полагает, что посредством именно образно-метафорического мышления становится возможным производить процедуру снятия неопределенности – окинуть взглядом, зафиксировать и наделить «открывшееся» особым семантическим значением, что можно назвать «эстетическим прозрением потенциальных возможностей экзистенциального свершения». Речь идет о высвобождении и конституировании каждый раз «иного», высвечивающего сокровитый смысл того, что желает быть раскрытым, «за что следует заглянуть, если мы хотим понять, что же вообще здесь кроется, и вместе с тем все то, что дает нам эту возможность заглянуть за себя самое» [4, С.396]. Для данного моделирования характерным является синтетический, принципиально открытый, незавершенный, трансформативный, преобразующий характер, тесно связанный с экзистенциальным горизонтом реципиента. Здесь становится важным описание не предметного ряда жизни, а тех состояний, событий, актов свершения, которые порождаются в результате ее восприятия, глубокого интуитивного проникновения в эстетический мир самовыражения жизни личностного начала, где воедино могут быть сплетены и пронизаны друг другом все возможные аспекты неисчерпаемости ее внутреннего содержания

(онтологический, метафизический, экзистенциальный, антропологический и т.д.). Так в постнеклассическом поле эстетической онтологии постепенно через порождение и выражение новых образов открывается возможность погружения в суть бытия и высвечивание проявленных смысловых граней целого, словно прорисовывание, смыслообразование еще до конца не открывшейся «для-меня» и еще не сполна выраженной «мною» онтологической картины экзистенциального свершения личности. Все это позволяет говорить о том, что в области эстетической онтологии оформляются своеобразные теоретико-методологические конструкты, претендующие в настоящее время на роль философско-методологического основания гуманитарных наук, поскольку способны интегрировать в себе возможность использования различных полемически настроенных по отношению друг к другу философских направлений, тем самым расширяя пределы постижения Бытия как такового и преображая картину мира в целом.

Список литературы

1. Базылев В.Н. Новая метафора языка: Семиотико-синергетический аспект: дис. д-ра филол. н. – М., 1999. – 396 с.
2. Ваттимо Дж. Прозрачное общество. - М.: Логос, 2002. – 128 с.
3. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. – М.: Искусство, 1991 – 367 с.
4. Гадамер Г.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики: пер с нем. / Общ. ред. и выступ. ст. Б.Н. Бессонова. – М., 1988. – 704 с.
5. Думинская М.В. Онтологические аспекты экзистенциального свершения личности: монография / М.В. Думинская. – Томск : СТТ, 2013. –152 с.
6. Долгов К. М. Эстетика Жана-Поля Сартра. – М.: Знание, 1990. – 63 с.
7. Ильин В.В. Классика-неклассика-неонеклассика: три эпохи в развитии науки // Вестник МГУ. Серия «Философия». – 1993. – № 2. – С. 16-34.
8. Кузнецова Т.В. Эстетика в XX веке: основные тенденции // Гуманитарные науки, 2013. – № 4 (12) – С. 4-11.
9. Никонова С.Б. Эстетизация как парадигма современности. Философско-эстетический анализ трансформации процессов в современной культуре: дис... док. филос. наук., 2013. – 417 с.
10. Рансьер Ж. Разделяя чувственное / Пер. с франц. В. Лапицкого, А. Шестакова. – СПб.: Изд-во Европейского университета, 2007. – 264 с.
11. Рансьер Ж. Эстетическое бессознательное / Пер. с франц. В.Е.Лапицкого. СПб.; М.: Machina 2004. – 128 с.

12. Стакун, Г. А. Место и роль моделирования в системе научного и художественного познания. дис. канд. философ. наук: 09.00.01. – М. : РГБ, 2010. – 122 с.
13. Степин, В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации / В. С. Степин // Вопросы философии. 1989. - № 10. – С. 3-19.
14. Степин, В.С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.
15. Счастливец, Р.А. Онтология гуманитарного знания : дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. – М. : РГБ, 2000. – 197 с.
16. Хабермас, Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии, 1992. – №4. – С.40-52.
17. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир, 2003. – 416 с
18. Хайдеггер, М. Исток художественного творения // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX веков: трактаты, статьи, эссе. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. – С. 264-312.
19. Худяков, Д.С. Концепт «знание» в контексте постнеклассической науки: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. – М. : РГБ, 2006. – 148 с
20. Хюбнер, Б. Произвольный этос и принудительность эстетики. – Минск : Пропилеи, 2000. – 150 с.
21. Шатунова, Т.М. Эстетизация пространства современного философского знания // Вестник ТГУ, выпуск 12 (56), 2007. – С. 44 -51.
22. Welsch, W. Aesthetics Beyond Aesthetics [Электронный ресурс] // Proceedings of the XIIIth International Congress of Aesthetics. Lahti 1995. Vol. III: Practical Aesthetics in Practice and Theory / ed. by M. Honkanen. – Helsinki, 1997. – P. 18–37. – URL: <http://www2.uni-jena.de/welsch/Papers/beyond.html> (дата обращения: 05.06.2015).
23. Welsch, W. Undoing aesthetics / W. Welsch; transl. A. Inkpin London; Thousand Oaks; Calif.: Sage Publications, 1997. – 209 p.

Рецензенты:

Корниенко А.А., д.филос.н., профессор кафедры философии Института социально-гуманитарных технологий Национального исследовательского Томского политехнического университета, г. Томск;

Никитина Ю.А., д.филос.н., профессор кафедры философии Института социально-гуманитарных технологий Национального исследовательского Томского политехнического университета, г. Томск.